

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ВЕТЕРАНОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)

С.А. Хубулова
Б.Б. Гаглоева

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект а/м 16-21-13001)

В статье рассматривается процесс адаптации бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в нэповские реалии региона. В научный оборот введены новые архивные документы, проливающие свет на жизнь бывших комбатантов в условиях перехода к новой экономической политике (нэп). Впервые анализируются жизненные стратегии комбатантов, их отношение к проводимой политике, причины и формы проявления оппозиционности некоторой части ветеранов к перегибам, происходившим в процессах коллективизации. Анализ отложившегося архивного материала дает возможность характеризовать социум красных партизан как устойчивое фронтовое братство, которое сохранялось, несмотря на раскольническую политику партизанских комиссий, пытавшихся ранжировать участников гражданской войны по их активности в боевых операциях, по партийной принадлежности и проч. Изучаются механизмы социальной поддержки красных партизан. Рассматривается вопрос о партийно-государственной карьере части бывших красных партизан, которые имели несомненные заслуги перед новой властью, представляли надежный ресурс и могли рассчитывать на вхождение в политическую элиту региона. Это – документы 1920-х гг. позволяют утверждать, что основная масса комбатантов испытала психологический надлом в связи с тем, что герои оказались в стороне от строительства нового общества, ради которого жертвовали в годы войны своими жизнями. В их материальном, социальном статусе не прослеживалось никаких позитивных подвижек, они оказались на нижних ступенях социальной лестницы послевоенного общества, тем самым представляя лабильную среду, в недрах которой рождалось недовольство своим положением, проводимой политикой и отсутствием перспектив.

Ключевые слова: партизан, деятельность, карьера, учеба, настроения

This article deals with the process of intergrating former Red partisans of the North and South Ossetia into the New Economic Policy realities of the region. New archival documents have been introduced into the scientific circulation, which shed light on the life of the former combatants in the context of the transition to the new economic policy (NEP). For the first time the life strategies of combatants are examined, as well as their response to policy, causes and manifestations of opposition on the part of some veterans to abuses, which took place in the process of collectivization. The analysis of archival material provides the possibility to characterize the society of Red partisans as sustainable military brotherhood, which persisted, despite the divisive politics of partisan commissions attempting to grade participants of the civil war on their activity in combat operations, according to party affiliation, etc. The mechanisms of social support of Red partisans are explored. The question of party and state careers of the former Red partisans, who undoubtedly were of service to the new regime and as such could count on entering the political elite of the region, is reviewed. Ego-documents of the 1920-s enable to state that the majority of the combatants suffered psychological breakdowns due to the fact that the heroes, who were not sparing their lives during wartime, were being distanced from building the new society. Since their material, social status experienced no positive developments and the fact that they were at the lower end of the social ladder of the post-war society created labile environment, the depths of which produced dissatisfaction with their current situation, with the policy conducted and with the lack of promising prospects.

Keywords: Partizan, activities, career, learning, mood.

Тема российской революции 1917 г., несмотря на изменившиеся политические ориентиры, не перестает быть актуальной и малоразработанной. Беспрецедентные преобразования, практическое воплощение в жизнь идей многих поколений мыслителей продолжают волновать умы исследователей, а также политических деятелей всего мира, отказавшихся от полного отрицания всего советского опыта и обратившихся к его научному осмыслению.

Среди научных проблем истории революции еще много таких, которые нуждаются в новом прочтении. Можно сказать о том, что история партизанского движения в Осетии и последующая судьба его участников представляется нам таковой [1].

Богатая источниковая база темы много раз пересматривалась в угоду господствовавшим представлениям о роли тех или иных политических сил, но все же она дает возможность для глубокого и всестороннего исследования вопроса о роли красных партизан, их дальнейшей судьбе и взаимоотношениях с советской властью.

В условиях построения социализма они не всегда понимали свое место в новой системе отношений, и более других рефлексировали на перегибы во внутренней политике [2]. Это неизбежно закончилось тем, что жизнь большинства красных партизан Осетии прервалась в застенках, лагерях.

Цель статьи – изучить социальные настроения и поведение красных партизан в первое послевоенное десятилетие.

Чтобы разобраться в политических настроениях и жизненных предпочтениях бывших красных партизан, следует проанализировать их социальное происхождение и вытекающие из него мировоззренческие установки. Анализ анкет позволил заключить, что вся партизанская масса состояла из двух неравных ча-

стей – крестьянского и интеллигентского слоев, причем последних было в разы меньше.

Те бывшие партизаны, которые получили образование до революции, и имели неплохой послужной партийный список, являясь членами подпольных кружков, могли рассчитывать на успешное продвижение по службе и получение ответственных должностей. В середине 1920-х гг. для ответственных работников разных рангов были разработаны специальные номенклатурные списки, которые могли быть заполнены только после рекомендации партийных комитетов разного уровня, в том числе и Северо-Осетинского обкома партии.

Именно национальная интеллигенция, которая проявила себя в годы революции и гражданской войны как сторонница большевиков, стала источником создания местной партийно-государственной номенклатуры. Небольшая группа красных командиров получила высокие посты, иногда всероссийского ранга. Например, Симон Такоев сделал головокружительную карьеру, достигнув поста заместителя заведующего отделом национальностей ВЦИК; К. Бутаев – заместителя директора Всесоюзной плановой академии. Примерно треть бывших командиров и бойцов формировала среднее и низшее звенья государственно-партийной номенклатуры. Так, вновь образованные органы власти в Южной Осетии заняли представители бывшего Окружкома В.А. Санакоев, А.А. Джатиев, С.Г. Гаглоев, А.И. Плиев. У этой части отмечается восходящий карьерный рост.

Кадровая политика, которую проводила победившая власть, предполагала систему выдвигенчества, позволившую к концу 1920-х гг. сформировать должностную иерархию в новом государстве. Ответственные должности получали работники, преданные большевикам, и способные осуществлять управление

вверенными сферами в нужном русле. В период нэпа выдвинутыми становились рабочие и крестьяне, которые в годы гражданской войны активно выступали на стороне большевиков. Прежде всего, это коснулось бывших красногвардейцев и красных партизан.

Подавляющее большинство участников партизанских отрядов происходили из крестьянской среды, часто из безземельных и бедных семей. В архиве отложились анкеты, которые красные партизаны заполняли, стремясь получить от новой власти материальные блага. В графе «Социальное происхождение» они указывали, что «основная профессия – бедняк-хлебороб». К примеру, партизан М. Басаев в своей автобиографии отмечал, что происходил из бедной семьи горца-крестьянина, вынужден был оставить учебу, чтобы пойти пастухом к богатому односельчанину [3, 1-2]; К. Гадзаев также сетовал на то, что не смог получить образование ввиду страшной бедности семьи: «В школе меня презирали как временнопроживающего, и выгнали в конце первого же года...» Свои «университеты» юноша проходил в хозяйстве помещика. Это – стандартные анкеты, которые позволяют судить о жизни указанной категории до революции [4, 7]. Партизан Т. Гаглоев в своей автобиографии отмечал: «сын бедного крестьянина, до 20 лет помогал по хозяйству, не мог учиться»; Козаев Р. – сын бедного крестьянина-хизана – с 9-летнего возраста «отдан в качестве батрака помещику Сико Годерелидзе»; П. Джигоев писал, что родился в семье бедного крестьянина, при поддержке дяди смог поступить в грузинскую школу, но «не смог окончить ввиду бедности» [5, 3]. Поэтому для них было важно не только выбраться из нищеты и лишений, но и занять определенные социальные ниши, сделать карьеру.

Для успешного прохождения по карьерной лестнице нужно было получить

образование. Это желание вписывалось в государственную политику формирования национальной интеллигенции. Красные партизаны, которые желали повысить свой образовательный уровень, вне конкурса попадали в разряд целевиков / командированных в вузы страны, т.к. классовая принадлежность студента была весьма важна для государства. Только в 1925 г. в московских институтах обучалось свыше 1000 молодых людей из Северной Осетии [6, с.237]. В 1921-1927 года для получения высшего образования в ведущие вузы страны в счет парттысячи были направлены также югоосетинские красные партизаны. Например, Г. Бигулаев – сын бедного крестьянина – получил возможность учиться в Москве в Геолого-разведывательном институте, М. Бегизов был зачислен в Свердловский институт, А. Догузов – в Ленинградский политехнический институт; М.Т. Басаев после окончания гражданской войны обкомом партии назначен кассиром, затем приемщиком по заготовке хлеба, затем агентом Госстраха, секретарем Тулатовского райкома ВКП(б), председателем Деткомиссии, «в настоящее время направлен на учебу в Академию Красной профессуры» [7, 5]; Н.М. Гассиев «работал секретарем ЦИКа, Заворгом Обкома КП, Наркомвнуделом и на других ответственных должностях. В 1929 г. откомандирован Обкомом партии в счет парттысячи на учебу в геолого-разведывательный институт, закончив его в 1933 г. После назначен начальником Кударских свинцово-цинковых разведок в Юго-Осетии с окладом в 600 рублей» [8, 4].

Это стремление комбатантов поддерживалось государственными льготами, наградами и должностями, которыми власть благодарила свою надежную опору. Такое отношение государства к красным партизанам давало уверенность в справедливости получения ими льгот для успешной жизни. По мнению некоторых

исследователей, в этот период происходило формирование новой социальной группы, нацеленной на карьеру, разделение по статусному и имущественному положению [9].

Но существовала и другая точка зрения на этот процесс. Опасения по поводу подобных жизненных стратегий высказал нарком юстиции И.З. Штейнберг: «На одной стороне – опьянение властью: наглость и безнаказанность, издевательство над человеком и мелкая злоба, узкая мстительность и сектантская подозрительность, все более глубокое презрение к низшим, одним словом господство. На другой стороне – задавленность, робость, боязнь наказания, бессильная злоба, тихая ненависть, угодничество. Получаются два новых класса, разделенных между собой глубочайшей социальной и психологической пропастью» [10, 31-32]. Эта пропасть в 1920-е гг. неуклонно углублялась.

Признавалось, что герои революции имеют право на лучшие условия жизни, привилегии и почести, поэтому желающих иметь звание (красный командир, красный партизан, дружинник и прочее) оказалось много. Однако не всем удалось получить партизанские удостоверения (звания) и воспользоваться социальными лифтами. Не всем хватало должностей и льгот, поэтому воспользоваться социальным лифтом мог далеко не каждый красный партизан. Их социальное положение изменилось не намного, по-прежнему нужда преследовала, о чем они не преминули сообщать в анкетах: «нуждаемся в сложении налогов», «в материальной помощи», «в постоянной работе», «в пенсии и льготах». В графе «Какими льготами пользуетесь» примерно третья часть респондентов заявила об отсутствии у них льгот, хотя власть декларативно заявляла о необходимости предоставления льгот в медицинских заведениях, в транспорте, в магазинах, при распределении жилья и проч.

Наглядно ситуацию можно проследить на примере одного района Северной Осетии – Дигорского. На 1 сентября 1928 г. в районе насчитывалось 569 бывших партизан, которые распределялись следующим образом: батраки и бедняки – 54,4%, середняки – 34,8%, 3,7% – зажиточные и кулаки, служащие – 6,9%, остальные – партийные функционеры.

Не менее контрастно выглядело положение бывших красных партизан с. Ногир, которое было образовано переселенцами из Южной Осетии. Состояние их характеризовалось как бедственное. Из 650 переселенческих дворов свыше половины не имели сельскохозяйственного инвентаря, на 10 хозяев приходился 1 плуг, 3 лошади, ни один двор не имел возможности вести самостоятельно вести хозяйство [11, 257]. В селе постепенно накапливалось социальное напряжение: слышны были недовольные голоса бывших борцов за советскую власть, которые в мирных условиях оказались за бортом жизни. Чтобы снять остроту вопроса, Ревком Северо-Осетинской автономной области в 1924 г. обратился в Москву с просьбой об отпуске 1,2 млн руб. для поправки хозяйства [12, 67]. Лишь спустя 1,5 года средства поступили в Осетию, но это была мизерная часть запрашиваемого объема – всего 4% [13, 25-27]. Примерно такое же безрадостное положение было и в других крестьянских сообществах.

Материальное положение многих из бывших партизан было тяжелым, но их заботы власть интересовали мало. В своих жалобах в партизанскую комиссию партизаны отмечали, что «большевики плохо заботятся о нас, мы страдаем, а они нас не слышат» [14, 3]. В Всегрузинский Совет красных партизан неоднократно направлялись письма по поводу того, что «876 человек по Южной Осетии абсолютно никем не снабжаются и Уполномоченный Наркомснаба не включает их в план снабжения (т.е. они лишены материаль-

ных выплат и других льгот. – *Авт.*). В то время, как на иждивении указанных красных партизан находится более 2899 душ» [15, 16].

Подавляющая же часть населения составила тот слой, который был вынужден заниматься ведением своего собственного хозяйства или наниматься в качестве наемных рабочих. Несмотря на полученные партизанские удостоверения и льготы, они в основной своей массе продолжали находиться в нищете. Препятствия их заслуги и боевые навыки, увы, оказались не нужны в мирной жизни. В анкетах в графе «Профессия» они по привычке отмечали – «стрелок», «пулеметчик». В графе «Какую полезную работу может нести – общественную или же по производственной линии» указывалось «по линии военного дела», «что будет поручено», «любую работу, землероб или как плотник». Именно этот слой красных партизан не вызывал у новой власти никаких опасений, поскольку они не могли избавиться от своего бедствующего положения, вследствие чего были политически более управляемы.

В партизанскую комиссию поступали полные трагизма письма-просьбы бывших красных партизан, в которых они описывали свое бедственное положение. Показательно заявление сына бывшего начальника партизанского отряда Дауда Альтемирова: «Я в настоящее время (1935 г. – *Авт.*) безработный, причем прошу Вас определить меня на какую-нибудь работу, я имею семь классов образования, по семейным обстоятельствам мне не удалось продолжить образование. Работал заготовителем в Корельдреве, ездил проводником фруктового (так в тесте. – *Авт.*) вагона в г. Петрозаводск, а после возвращения я – безработный» [16, 6].

Возмущенные письма партизаны направляли в разные инстанции: «...ЖАК-Ты и Жилсоюз партизанам никакой скидки не дают. Каждый год при посылке де-

тей в пионерские лагеря делается скидка в 50%, в г. Орджоникидзе этого нет» [17, 3]; «Органы власти Юго-Осетии не соблюдают установленных законом льгот для бывших красногвардейцев и красных партизан. А они очень нуждаются» [18, 18]. Многие партизаны Южной Осетии после возвращения к родным пепелищам оказались перед проблемой восстановления разрушенного грузинскими меньшевистскими отрядами хозяйства. Самостоятельно решить жилищную проблему комбатанты не могли, остро нуждались в поддержке. Потому в большинстве анкет на вопрос «В какой помощи нуждается», респонденты чаще всего отвечали «нуждаюсь материально», «материально нуждаюсь во всем», «хозяйственно нуждаюсь», «нуждаюсь в лечении». Но именно здесь их поджидала первая несправедливость: местные власти реагировали на просьбы по-разному, выделяя одних, забывая о других.

Следующим психологическим шоком стало то, что в ходе разбирательств в Комиссиях бывших красных партизан заслуги многих были поставлены под сомнение. Проблема интеграции в мирную жизнь у этой части комбатантов оказалась более сложной, равно как и участие этих советских прозелитов в социалистическом строительстве. В эту категорию попали бывшие технические, инженерные спецы, например, Р.Н. Гаглоев, М.Г. Гаглоев, В.А. Газзаев, Н.М. Гассиев, В.Н. Карсанов, С.А. Кулаев и другие не вписывались в новую социальную систему. Именно у этой категории населения возникли очень непростые взаимоотношения с властью, т.к. последняя лишила их разного рода социальных льгот. Больше всего эта пропасть проявлялась при трудоустройстве на работу. Лица, зачисленные в ряды красных партизан, в условиях растущей безработицы имели право первоочередного получения достойной работы и хорошей зарплаты. В то время

как некоторые лица, не попавшие в списки партизан, несмотря на дореволюционный послужной партийный список, вынуждены были соглашаться даже на самый минимальный оклад. К примеру, красный партизан Г.З. Бигулаев после учебы в Московском геолого-разведывательном институте был сразу же привлечен в качестве заведующего геолого-разведывательного Бюро с заработной платой в размере 850 руб. С.А. Кулаев, активный участник революционных событий 1918-1920 гг., не попал в списки красных партизан, имел заработок в размере 250 руб., будучи инструктором ЦК КП(б) Грузии.

Еще больше бывших комбатантов ранило то, что в ряде партийных и советских органах к власти пришли их бывшие противники – деникинские офицеры, меньшевики и проч. Причем, что вполне объяснимо, красные партизаны были поражены положением вещей и несправедливостью политики большевистского руководства. Зачастую именно в проникновении бывших противников в органы власти красные партизаны видели корень социальной несправедливости. В партизанскую комиссию поступали письма-разоблачения лже-партизан. Вот одно из таких писем: «На ул. Сталина проживает гр. Демин, он имеет на руках книжку красных партизан, а следовательно, пользуется правами красного партизана. Вот краткая биография лже-партизана: отец его, с которым Демин жил до 1926 г., содержал трактир, закупал зерно. Подведен под кулацкое хозяйство и выслан на север, мать выслана на лиман. Демин работал в г. Кисловодске, за «хорошие делишки» был присужден (так в тексте. – *Авт.*) на 10 лет. Служил в 1927-1928 гг. в Эльхотовском отделении Севосоюза, занимался скупкой больших партий зерна и перепродавал. Интересно, кто мог дать ручательство при чистке партизан, наверное, такой же “липовый партизан”, как и сам Демин». Это не единичный слу-

чай. Например, А.Г. Дзасохов, во главе меньшевистских войск участвовавший в подавлении югоосетинских повстанцев в 1919 г., был привлечен в качестве заместителя наркома в Наркомпрос области. Один из руководителей повстанческого движения, Р.Н. Гаглоев, впоследствии писал: «Ныне, о, ужас, он цел, и даже у власти. Это ли не вопиющая несправедливость! И за то, что он сгибал бедных осетин в три погибели, за то, что он шел на них с грузинскими войсками – он теперь в тепле, в почете и даже изволит просвещать южных осетин. И хочется повторить: “Наш век согнут в три погибели торжествующим хамом”» [19, 105]. Другой автор, М.Г. Гаглоев, пишет, что в эпоху «сергеевщины»* его запугивали, исключили из рядов красных партизан и отстранили от занимаемой должности [20, 5].

Еще страшнее для этих людей было недоверие, которое проявляли к ним во время партизанских чисток. Даже самые лестные рекомендации, выдаваемые бывшими командирами и однополчанами, не могли гарантировать повышение материального благосостояния, получение работы и проч. Все партизаны оказались разделенными на категории, между которыми существовала большая разница. Особо наказывала власть тех, кто не вписывался в образ беззаветного борца за социализм – «лишенцы», преступники, оппозиционеры. Причем в любую из этих групп человек мог угодить без особых причин. Лишенец Д. Такоев написал: «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...» [21, 16]

Комбатанта могли лишить не только партизанской книжки, но даже избирательных прав, что делало его беззащитным и бесправным. Нередко бесчисленные обращения в партизанскую комиссию и к боевым командирам не могли

переломить ситуацию. В письме в Комитет красных партизан В.Н. Тедеев указывал: «Несмотря на мое участие в отрядах партизан как в Юго-Осетии, так и на Севере, и подтверждением непосредственных военных руководителей мой вопрос о зачислении из-за личных отношений тянулся целый год. Оттягивали его под разными предложениями, так как лица, кои должны были заняться оформлением, являются моими врагами. На моем заявлении имеется лишь заметка некоего красного партизана Архипа Джиеова (член Президиума Областного Совета бывших красных партизан. – Авт.) “не участвовал”. Спрашивается, причем тут какой-то Архип Джиеов, если все нужные рекомендации имеются» [20, 7].

Политический климат 1920-х гг., охота на оппозицию и противников линии партии сильно отразились на сообществе красных партизан, стали появляться такие, кто в целях продвижения, устранения соперников могли оклеветать бывших однополчан. Так, в своем оправдательном заявлении активный участник революции в Южной Осетии Р. Козаев писал: «Джабе Кокоев донес, будто бы мы организовали подпольное собрание у Кочиева Бидзина, этот вопрос всплыл в одном собрании в 1924 году. Но впоследствии Джабо признался, что он клеветал на нас. Кто-то приклеил объявление о том, что мы троцкисты. Но это заявление было осмеяно на собрании, говорили, что зачем горячиться, что это, мол, неправда» [22, 5].

Другой вопиющий факт: 20 марта 1924 года поступило заявление от Г. Габаяева, члена КП(б)Г, о том, что он избит начальником областной милиции Д. Кокоевым «в порядке сведения личных счетов»: «Считаю себя вправе сообщить Вам о дерзком и гнусном издевательстве над мной со стороны начоблмилиции Авт. Обл. Юго-Осетии Кокоева и его товарищей милиционеров. Начальник област-

ной милиции Кокоев исключен из партии при второй партчистке за фабрикацию списка, который, якобы, обсуждали на частной квартире рабочие Кабулов и др., а он, Кокоев, будто-бы, подслушал их. Далее, он обвиняется в изнасиловании женщины. По имеющимся данным – это факт, несмотря на усиленное старание некоторых товарищей, замазать это» [23, 19]. Поступали жалобы на начальника военкомата М.К. Санакоева, начальника информпункта Н.А. Гассиева. Подписанты обвиняли их в том, что, что пользуясь своим положением, «они оказывали на население Юго-Осетии и местные органы давление в личных целях» [24, 16].

Следует отметить, что тяжелое после-революционное материальное и психологическое состояние, политическое давление во время партийных чисток, несправедливое составление списков красных партизан и лишение многих льгот впоследствии, тяжело сказывалось на всем обществе. Все это приводило к череде самоубийств среди части партизан и коммунистов области. Высокая смертность вынудила провести специальные заседания ЦК КП(б)Г, посвященные данному вопросу [25, 31]. Р.Н. Гаглоев писал о сложившейся ситуации: «Я кажется догадывался о причинах смерти Александра (а говорили, что умер от малярии). Сомнения нет, что он умышленно лишил себя жизни. Александр, Ефим, Илас, Лео... – Боже мой, сколько потерь...» [19, 99]

Но были и такие партизаны, которые открыто протестовали против нового порядка. В массе красных партизан постепенно складывалось недовольство карьерой небольшой и может не самой героической части партизанского движения, а также теми политическими механизмами, с помощью которых власть строила «светлое» будущее. В некоторых колхозах Осетии были зарегистрированы случаи антигосударственной агитации со стороны бывших красных партизан, так, в кол-

хозе «Ханаз» они призывали сельчан не выработывать грабительских трудовней и не платить налогов. Как сообщалось в отчете УНКВД, один из зачинщиков, Т. Дзотов, «не имеет в колхозе ни одного трудовня, агитирует массы, этим мешает поднятию колхозного строительства, не дал в колхоз ни одного зерна...» [26, 71]

Многие бывшие партизаны что естественно, стремились именно к восстановлению (а также укреплению) своих хозяйств, разоренных во время войны. При этом они не без оснований полагали, что заслужили право хозяйствования на своей земле. Однако, любое такого рода устремление как развитие единоличного хозяйства, рассматривалось молодой советской властью как укрепление позиций «кулачества». Согласно привлеченным к работе архивным документам, во время второй волны чисток специальными проверочными комиссиями, этот слой попадал в разряд кулаков и лишался партизанских книжек. Встречаются случаи несправедливых постановлений. К примеру, Б.Р. Дзагоев заявлял: «Я активно участвовал во всех юго-осетинских восстаниях и во время троекратной чистки красных партизан против меня не было никаких отводов. Причиной не включения меня в ряды красных партизан стало не мое положение, а донос, что я числился в списках зажиточных по с. Ногир. Это враги незаконно включили меня в этот список, о чем я лично писал в Московский ЦИК» [27, 6].

Не был решен советским руководством и земельный вопрос. Бывшие хозяева под разными предлогами старались сохранить за собой права на владение. Также отмечались случаи, когда получивших наделы крестьян махинациями, угощениями, и подпаиванием вынуждали отказываться от пользования участками. Таким образом, земля оставалась у прежних хозяев. Именно острота земельного голода и кризис в решении этого вопроса

побуждал население искать выход в переселении за пределы Юго-Осетии [28, 27-28]. Не помогло делу даже специальное циркулярное указание «О недопустимости рассмотрения заявления бывших землевладельцев», в котором говорилось: «Были замечены отдельные случаи, когда нашими партийно-советскими органами принимались заявления бывших землевладельцев (дворян, помещиков и князей) о возвращении отобранных земель; мало того, эти вопросы иной раз разрешались в пользу бывших хозяев. Считая это в корне допустимым, могущим свести на нет весь смысл проведенной земельной реформы, ЦК в порядке строжайшей партийной директивы предлагает не допускать приема к рассмотрению жалоб со стороны бывших землевладельцев; к пересмотру могут быть подвергнуты лишь только дела трудящихся (рабочих и крестьян)» [29, 46-47].

Впоследствии на почве новой экономической политики стали наблюдаться явления так называемого «хозяйственного обрастания», захватившие и некоторых партийцев как городских, так и в деревенских организациях. Хозяйственное обрастание в городе находит свое выражение в приобретении в собственность домов, в аренде их, в участии непосредственно или через членов своих семей в торгово-промышленных предприятиях и т.п. В деревне оно проявляется в том, что оформилась тяга членов партии к обзаведению усадьбой, рабочим скотом, инвентарем переходит за пределы трудового хозяйства. Вместе с таким «хозяйственным обрастанием» последовал процесс зарождения мелкобуржуазной, собственной идеологии, постепенный отход от партработы и стремление освободиться от партийной дисциплины, что начало вносить в партийную организацию разложение и подрывать ее авторитет у беспартийных масс. ЦК Юго-Осетинской автономной области предложил местным

организациям в кратчайший срок повести систематическую борьбу с указанными антикоммунистическими явлениями.

В то же время партийные организации должны принять решительные меры, вплоть до исключения, ко всем тем элементам, на которые «не действуют вышеуказанные мероприятия, и, в особенности, по отношению к тем, кто использует свое служебное положение в целях обогащения. В дальнейшем ЦК вменяет в обязанность Губкомам и Обкомам в своих отчетах отмечать факты «хозяйственного обрастания» и меры борьбы с этим явлением» [30, 39].

Противоречия и различие между положением красных партизан и властью более выявилось во время коллективизации. Общество комбатантов оказалось разделенным на категории, между которыми росла огромная пропасть. Например, часть красных партизан, выразившая свое недовольство сложившейся ситуацией, была обвинена в антиколхозных настроениях, и лишена партизанских удостоверений.

К концу 1920-х гг. началась травля тех, кто был недоволен политикой государства в деревне. В это время на самых разных властных уровнях заговорили о «несознательных» партизанах, которые объединялись с кулаками против коллективизации. Таких следовало проучить: объявляли их чуждым советской власти элементом, раскулачивали и отправляли в ссылку. В начале декабря 1929 г. органами ОГПУ была «разоблачена» группа жителей с. Христиановского, которые занимались «антисоветской работой». По сведениям органов УНКВД разоблаченная в с. Христиановском подпольная организация, состоявшая в основном из бывших партизан, настраивала жителей против проводимых в селе мероприятий. В ходе допроса они заявляли, что неправомерные действия властей приведут к социальному взрыву в обществе. Арестованные обращались к

оставшимся на свободе бывшим красным партизанам: «Неужели вы, красные партизаны, которые проливали кровь за народ, не можете остановить эти действия (большевиком. – *Авт.*), которые ведут нас к гибели?» [31, 2].

Так, жители с. Урсдон жаловались на притеснения своего земляка, который заявлял: «Я – красный партизан и могу делать все...» [32, 137]. Дух свободы, царивший в партизанском сообществе, на первых порах пугал местные власти, которые сквозь пальцы смотрели на их проступки, даже заигрывали с ними, нередко квалифицируя партизанские самосуды как самооборону.

Эта же вседозволенность приводила к росту должностных преступлений в среде бывших партизан. Нэп стал той благодатной почвой, на которой произрастали казнокрадство, злоупотребления властью, желание жить в роскоши и др. Многие ответственные работники в соответствии с революционными заслугами имели роскошные квартиры, посещали дорогие рестораны, получали бесплатные путевки в санатории, часто отдыхая семьями и проч. Эти факты стали столь массовыми, что ЦК РКП(б) вынужден был разослать на места специальный циркуляр «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии», в котором, в частности, указывалось: «ЦКК обращает внимание на то, что курортами, санаториями и домами отдыха сплошь и рядом пользуются совершенно здоровые люди, не нуждающиеся абсолютно ни в каком лечении, между тем как партийные организации, профсоюзы, государственные органы часто отказывают безусловно больным работникам в местах на курорты» [33, 46-47]. Номенклатура наполняла свой быт приятными вещами.

В разные инстанции приходили письма от возмущенных граждан, которые жаловались на вызывающее поведение

ответственных товарищей. Так, сообщалось о неправомерных действиях начальника Политбюро РКП Южной Осетии Е. Гаглоева, который выдвинул против Василия Георгиевича Дзассохова ложные обвинения, что привело к аресту последнего. Позже В. Дзассохов в своей жалобе писал: «Я вернулся обратно в Юго-Осетию, где через некоторое время, некоторые перекрасившиеся в большевиков граждане возложили на меня ложную клевету, обвиняя в контрреволюции и шпионаже, дав ложное показание в Политбюро Юго-Осетии, начальником коего состоял их сторонник и мой противник – некто Гаглоев Ефрем. Конечно, я был арестован, а противники мои за это время занялись «организацией» ложных показаний и свидетельств, ярким показателем чего может служить находящееся в ЧКа Грузии мое дело за № 821». Ефрем Гаглоев неоднократно был замечен в фабрикации дел и подмене фактов, позже он был разоблачен [34, 38].

Многие из числа бывших красных партизан чувствовали себя на голову выше остальных, потому что считались носителями новой жизни, у которых больше прав, чем у остальных. Наверное, этими мотивами руководствовались маргинальные слои сообщества партизан, когда совершали свои поступки. Так, из состава партизан был исключен некто Бондаренко, который систематически пил, тунеядствовал, «тип неисправимый, никакого воспитательного характера и предупредительного не действуют, невозможный дебошир. Неизвестно, на какие средства ежедневно пьет, разлагающе действует на окружающих. Неустойчив, способен на любое преступление за рюмку водки» [35, 1].

Факты безобразного поведения нельзя было утаить и об этом открыто вынуждены были сообщать в прессе: «... Усилилось засилье некоторой группы из числа бывших красных партизан, безо-

образное поведение в общественных местах, систематическое пьянство, хулиганские выходки, нежелание работать вообще, случаи дачи поручительства чуждому элементу, неоднократные судимости, все это явно говорит о том, что, несмотря на предупредительные меры как морально-воспитательного, так и репрессивного характера, некоторая группа давно разложилась и деклассировалась и, безусловно, подрывает авторитет остальных бывших партизан...» [36]

Эти и подобные нарушения законности и порядка вызывали недовольство и в центральном аппарате: «Практика нашей повседневной работы на местах изобилует фактами недопустимого обращения местных коммунистов с беспартийным крестьянством, обследование мест показало, что сельские коммунисты в отношении с беспартийными крестьянами проявляют грубость и высокомерие. Мало того, нередки случаи и примеры, когда отдельные коммунисты, занимающие те или иные административные должности (председатель райисполкома, начальник милиции, милиционер и пр.) в своих отношениях с крестьянством прибегают к методу физической расправы и насилия» [37, 2].

В октябре 1929 г. из недр Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) вышло Постановление «О работе среди бывших партизан», которое, по сути, завершило работу партизанских съездов и конференций, т.е. лишило партизан возможности общения с властью посредством своих организаций.

Ожидания комбатантов от новой власти не оправдывались, это вселяло неуверенность и опасения за то дело, которому они отдали себя, теряли боевых товарищей. Обстановка накалялась и могла закончиться новыми социальными потрясениями. Такого поворота событий власть не желала и стремилась в зародыше подавить любое проявление

оппозиции. Развернувшийся в 1930-х гг. Большой террор вовлек в свою орбиту и участников партизанского движения. Именно во второй половине 1930-х гг. антипартизанскую политику умело связали с «троцкистским заговором». НКВД усмотрело следы заговора, тянувшегося из Москвы в ряды местных большевиков. Начался новый этап в партизанской теме – преследовались не только рядовые, но и руководящее звено, мозговой центр движения.

Если этот и подобные факты носили политическую окраску, проходили на «идейной основе» в виду критичности к действиям власти, то другая сторона «партизанской болезни» заключалась в том, что часть партизан поверила в свою непогрешимость и безоговорочную под-

держку властью даже неблагоприятных поступков.

Таким образом, советская власть стремилась использовать бывших партизан как надежную опору и через них воздействовать на других крестьян региона, при этом даже беспартийных партизан они считали коммунистами, не особенно понимая, что имущественное положение бывших партизан зачастую было очень плачевным и отношение к действиям власти было не всегда лояльным, а подчас даже враждебным. Как в гражданскую войну, крестьяне были оппозиционны к любой власти, притеснявшей их. Подобное непонимание истинных настроений большинства партизан обернулось в период массовой коллективизации в антиправительственное движение.

1. Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. Мутное зеркало истории: жизнь и судьба комбатантов гражданской войны в условиях перехода к миру // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2016. № 3. С. 95-100.

2. Хубулова С.А. «Красный» Кронос: большой террор и комбатанты гражданской войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 3(32). С. 51-56.

3. Центральный государственный архив РСО-А (далее ЦГА РСО-А). ФР. 44. Оп. 1. Д. 1091.

4. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп.1. Д. 781.

5. Центральный государственный архив РЮО (далее ЦГА РЮО). ФР. 27. Оп. 1. Д. 671.

6. Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР: Сборник статей. Махачкала, 1973. 341 с.

7. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1076.

8. ЦГА РЮО. ФР. 27. Оп. 1. Д. 1317.

9. Никулин В.В. Партийно-государственная номенклатура и закон в советской России: двойная ответственность или особые правовые условия (1920-е годы) // Genesis: исторические исследования. 2013. № 3. С. 1-43.

10. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

11. ЦГА РСО-А. ФР. 97. Оп. 1. Д. 84.

12. ЦГА РСО-А. ФР. 97. Оп. 1. Д. 18.

13. ЦГА РСО-А. ФР. 97. Оп. 1. Д. 64.

14. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1095.

15. ЦГА РЮО. ФР. 27. Оп. 1. Д. 1309.

16. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1093.
17. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 781.
18. ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1309.
19. Бигулаева И.С. Рутен Гаглоев. Жизнь и деятельность // Фидиуаг. 2002. № 2. С. 99-110.
20. ЦГА РЮО. ФР. 27. Оп. 1. Д. 127.
21. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1092.
22. ЦГА РЮО. ФР. 27. Оп. 1. Д. 127.
23. ЦГА РЮО. ФР. 1. Оп. 1. Д. 156.
24. ЦГА РЮО. ФР. 1. Оп. 1. Д. 208.
25. ЦГА РЮО. ФР. 1. Оп. 2. Д. 185.
26. Хубулова С.А. Деятельность Северо-Осетинской комиссии по делам бывших красных красногвардейцев и бывших красных партизан (1924-1935 гг.) // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 23(62). С. 136-164.
27. ЦГА РЮО. ФР. 1. Оп. 1. Д. 268.
28. ЦГА РЮО. ФР. 1. Оп. 1. Д. 209.
29. ЦГА РЮО. ФП. 1. Оп. 1. Д. 1088.
30. ЦГА РЮО. ФП. 1. Оп. 1. Д. 1089.
31. Архив УФСБ РФ по РСО-А. Д. 7144.
32. Хубулова С.А. Анкеты как часть источниковой базы исследования социально-правового статуса бывших красных партизан Осетии (1920-1930-е гг.) // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 21(60). С. 60-67.
33. ЦГА РЮО. ФР. 1. Оп. 1. Кор. 88.
34. ЦГА РЮО. ФР. 1. Оп. 1. Д. 156.
35. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1096.
36. Пролетарий Осетии. 1931. 10 октября.
37. ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206.